

**Ведьма для инквизитора.
Право на покой**

18+

Виктор Хаценко

**Ведьма для инквизитора.
Право на покой**

«Автор»

2026

Хаценко В.

Ведьма для инквизитора. Право на покой / В. Хаценко —
«Автор», 2026

В закопченном Рейнсбурге, где правит Инквизиция, а магия металла выжигает жизни, у каждого есть своя цена. Ольга — незарегистрированная ведьма-эмпат. Любое голое прикосновение к человеку для неё — чудовищная лавина чужих грязных мыслей и похоти. Всё, о чем она мечтает — сбежать из этого стального ада. Её магия — это приговор. Виктор — Верховный инквизитор города, карающий меч государства. Он техномаг высшего ранга, но его собственный дар медленно и мучительно плавит его разум изнутри. Он привык сжигать чужие жизни, но сам страждет лишь об одном — о благословенной тишине в голове. Случайное, отчаянное прикосновение Ольги в темном швейном ателье меняет всё. Для него её магия — единственное лекарство от адской боли. Для неё он — монстр, способный в любой миг надеть на её шею железную маску раба. Он предлагает сделку: её тепло в обмен на её жизнь.

© Хаценко В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Игла и копоть.	5
Глава 2. Стальной воротник	8
Глава 3. Прикосновение к безумию	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктор Хаценко

Ведьма для инквизитора. Право на покой

Глава 1. Игла и копоть.

Сажа въедалась в кружево, и это бесило Ольгу больше, чем постоянный кашель.

Она аккуратно расправила подол нежно-персикового платья, предназначенного для младшей дочери титана сталелитейной промышленности, молодой баронессы фон Шток. Настоящий шелк, привезенный из далеких южных колоний, стоил как годовой бюджет небольшой рабочей семьи из нижнего яруса. Но здесь, в туманном Рейнсбурге, даже самая чистая и дорогая ткань через пару часов покрывалась невидимым, маслянистым слоем копоты, сочащейся из огромных фабричных труб. Этот город дышал углем, мазутом и паром, и его грязное дыхание не щадило ни нищих, ни аристократов.

Ольга вздохнула, убирая со лба выбившуюся каштановую прядь, и потянулась за серебряной иглой. Ее тонкие пальцы были исколоты в кровь, но на людях она никогда не снимала митенки из плотного черного шелка. Официально — это была дань изысканной моде элитного ателье госпожи Боне, призванная подчеркнуть статус мастериц. Неофициально — Ольге категорически, под страхом смерти, нельзя было прикасаться к людям голой кожей.

Она была эмпатом. Незарегистрированной ведьмой. Существом, которое по суровым законам Империи подлежало немедленной изоляции, трибуналу и последующему облачению в «железную маску» — глухой стальной воротник со штырями, уходящими в основание черепа. Эта машина медленно выжигала магические каналы, превращая одаренного человека в безвольного, пускающего слюни раба на государственных рудниках.

«Еще полгода», — привычно повторила она про себя, как ежедневную молитву, делая ровный, почти невидимый стежок по шелку. — «Еще шесть месяцев покорности, терпения и рутины. Денег на фальшивые документы и билет на дирижабль до Свободных Земли должно хватить».

Ольга мечтала о маленьком домике у теплого южного моря. Там, где небо не закрыто вечным свинцовым смогом, где нет этого удушающего весеннего тумана и, главное, нет Инквизиции. В ее планах на будущее не было места мужчинам, громкой славе или богатству — только тишина, безопасность и возможность просто дышать, не боясь, что случайный прохожий заденет плечом в толпе и захлестнет ее сознание волной своей грязной, липкой похоти, зависти или слепой ярости.

Но жить в абсолютной изоляции в Рейнсбурге было невозможно. В глубине души, за плотными замками одиночества, Ольга отчаянно, до боли в груди хотела, чтобы ее кто-то обнял. Настоящий, искренний человек, чьи эмоции не обожгли бы ее израненный дар, а подарили покой. Но в этом городе искренность была непозволительной роскошью. Здесь все чего-то боялись, кого-то тихо ненавидели или источали глухую, серую усталость, которая осела на улицах вместе с угольной пылью.

Шум с первого этажа ателье долетел до швейной мастерской внезапно. Послышался звон быющегося фарфора, испуганный писк госпожи Боне и тяжелый, раскатистый мужской голос, переходящий в истерический крик.

Ольга замерла, сжав иглу. Её дар, спавший под плотной ментальной вуалью, испуганно встрепенулся. Снизу, сквозь деревянные перекрытия потолка, ударила мощная, хаотичная волна чистой, неконтролируемой паники и ярости. Эмоции были настолько сильными и острыми, что у Ольги закололо в висках.

— Ольга, деточка, спустись скорее! — в дверях мастерской показалась бледная старшая швея. — Там господин барон фон Шток Он приехал за заказом дочери, но у него случился припадок! Ты же умеешь говорить с благородными, успокой его, ради всего святого, пока он не разнёс нам весь салон!

Ольга похолодела. Барон фон Шток был известным в городе человеком — грубым, вспыльчивым промышленником, который, по слухам, недавно потерял половину своего состояния на поставках бракованных паровых поршней для военного ведомства. Столкнуться с таким человеком в момент его психологического срыва для эмпата было равносильно прыжку в кипящий мазут.

Но отказываться было нельзя — это вызвало бы лишние подозрения.

Ольга медленно поднялась, поправила передник и пошла вниз по винтовой лестнице. С каждым шагом чужая паника давила на её сознание всё сильнее. Когда она вошла в главный демонстрационный зал, картина предстала пугающая. Повсюду валялись осколки дорогого чайного сервиза. Сама госпожа Боне вжалась в угол, прикрывая голову руками. А посреди комнаты бушевал огромный, грузный мужчина в дорогом суконном сюртуке. Его лицо налилось багровым цветом, дыхание было хриплым и прерывистым, а пальцы судорожно дергали воротник сорочки, словно он задыхался.

— Мошенники! Гниды! — ревел барон, швыряя на пол тяжелый бархатный стул. — Моя фабрика мои контракты! Вы все хотите моей смерти! Вы все заодно с Министерством!

Ольга поняла: это не просто гнев. Это был глубокий ментальный срыв, паническая атака человека, чей мир рушился под давлением долгов и страха перед трибуналом. Барон был на грани апоплексического удара. Если он умрет здесь, ателье закроют, а всех служащих отправят на допросы к следователям. А допросы Инквизиции Ольга не переживет — её дар вскроют в первые же минуты.

Она должна была действовать. Рискую всем.

Ольга сделала глубокий вдох, выстроила в своей голове мысленную стену и уверенно шагнула вперед, прямо навстречу беснующемуся дворянину.

— Господин барон, — мягко, но отчетливо произнесла она, привлекая его внимание.

Фон Шток резко обернулся. Его глаза, налитые кровью, бешено вращались. Он замахнулся тростью с тяжелым набалдашником, готовый ударить любого, кто посмеет подойти.

— Что тебе нужно, девка?! Вон пошла!

Ольга не отступила. Она подошла вплотную, чувствуя, как его паника обжигает её ментальные каналы, словно открытое пламя. Спрятав руки за спину, она незаметно стянула шелковую митенку с правой ладони. Сердце колотилось так, что казалось, оно сейчас прожжет ребра. Она шла на преступление, караемое смертью.

— Ваша дочь, баронесса Амалия, очень ждет это платье, — тихо, гипнотически произнесла Ольга, заставляя его вслушаться в свой голос. — Она будет самой красивой на приеме. Всё наладится, милорд. Дым рассеется.

Барон на секунду замешкался, тяжело дыша. И в эту секунду Ольга сделала то, чего делать была не должна. Она резко протянула обнаженную руку и аккуратно, но крепко взяла его за толстые, дрожащие пальцы.

Контакт замкнулся.

Для Ольги это было похоже на удар тока. В её сознание хлынул поток чужого грязного страха, долгов, суицидальных мыслей и образов долговой тюрьмы. Она беззвучно стиснула зубы, чувствуя, как из носа едва не пошла кровь от колоссальной ментальной нагрузки. Но она удержала удар.

Вместо того чтобы поддаться панике, Ольга открыла свои внутренние резервы и начала транслировать барону чистый, концентрированный покой. Она отдавала ему свое тепло, убаюкивала его растрепанные нервы, гасила его ярость, как гасят пожар плотным одеялом.

На глазах у испуганной госпожи Боне произошло чудо.

Барон фон Шток замер. Трость выпала из его ослабевших рук и с глухим стуком пока- тилась по ковру. Багровый цвет начал медленно сходить с его лица, уступая место естествен- ной бледности. Его бешеное дыхание выровнялось. Он посмотрел на Ольгу глупым, прояснив- шимся взглядом, словно только что проснулся от кошмара.

— Что что это было? — пробормотал он, глядя на свои руки.

Ольга мгновенно отдернула ладонь и спрятала её в складках юбки, пока никто не заметил отсутствия перчатки. Она тяжело дышала, голова раскалывалась, а колени дрожали от исто- щения.

— Вам просто нужно выпить воды, милорд. Вы переутомились, — тихо сказала она, отступая на шаг назад. — Городской смог сегодня особенно тяжелый.

Барон растерянно кивнул, потер виски и, больше не сказав ни слова, подобрал трость. Он выглядел опустошенным, но абсолютно спокойным. Неуклюже извинившись перед хозяйкой ателье, промышленник поспешил покинуть салон, оставив после себя тишину.

Госпожа Боне разрыдалась от облегчения, бросившись благословлять Ольгу за её «чудес- ный дар убеждения». Но Ольга едва слышала её. Она быстро поднялась обратно в мастерскую, заперлась в уборной и дрожащими руками натянула черную митенку обратно на ладонь.

Её всю трясло. Она спасла ателье, но применила магию на людях. Если среди прислуги или на улице был хоть один доносчик Инквизиции, или если поисковые артефакты Цитадели зафиксировали этот кратковременный ментальный всплеск её жизнь окончена.

Ольга прижалась лбом к холодному стеклу окна, глядя на возвышающуюся вдали мрач- ную черную башню Цитадели.

«Я должна уехать отсюда быстрее», — подумала она с отчаянием. — «Быстрее, пока эта стальная машина не сожрала меня».

Глава 2. Стальной воротник

Магия металла пахла раскаленной окалиной, сухим оружейным маслом и кровью.

Виктор стоял на подножке бронированного паромобиля, левой рукой перехватив стальной поручень, пока тяжелая машина со скрежетом пробивалась сквозь узкие, искривленные переулки нижнего сектора. Дождь, смешанный с угольной гарью, хлестал по его лицу, стекал по козырьку форменной фуражки и тяжелым каплями падал на воротник черной шинели. Серебряная шестеренка Инквизиции на его лацкане казалась тусклой в этом вечном полумраке, но для каждого, кто замечал её из окон покосившихся лачуг, она была клеймом скорой смерти.

Внизу, в трущобах Рейнсбурга, пахло иначе. Здесь не было благородного парфюма верхних ярусов. Здесь пахло гнилой капустой, дешевым сивушным спиртом и застоявшейся сыростью сточных канав. И среди всех этих привычных запахов нищеты Виктор отчетливо улавливал новый, пугающий аромат — приторно-сладкий, маслянистый запах биомеханической гнили.

Разлом в седьмом секторе снова напомнил о себе.

— Лорд-инквизитор! — крикнул сквозь грохот поршней младший офицер, сидевший внутри кабины. Его механический протез руки, заменявший локоть и кисть, мелко и противно вибрировал. — Оперативный контур зафиксировал прорыв десять минут назад. Тварь заблокирована в тупике за сталелитейным складом. Потери среди гражданских — трое рабочих. Всплеск аномальной энергии стабилен.

— Оцепление? — коротко бросил Виктор, не оборачиваясь.

— Выставлено, милорд. Но паровые ружья гвардейцев её не берут. Хитин слишком плотный. Нужна ваша сила.

Виктор ничего не ответил. Он лишь крепче сжал челюсти, чувствуя, как привычная, выжигающая нервы боль за правым глазом пульсирует в такт ударам поршней паромобиля. Каждую секунду тысячи раскаленных металлических игл вонзались в его мозг. Его собственный дар — способность подчинять железо, видеть структуру любого сплава и управлять магнитными полями — медленно, но верно убивал своего хозяина. С каждым годом, с каждым использованным заклинанием каналы его нервной системы истончались, заменяясь мертвыми, холодными нитями металлического застоя.

Ему было тридцать два. Но по утрам, глядя в зеркало на седые пряди у висков и глубокие, почти черные тени под глазами, он чувствовал себя глубоким стариком. Каждое утро начиналось с хриплого кашля и привкуса ржавчины на губах.

«Еще один год», — мысленно приказал он сам себе, сдерживая подступающий приступ тошноты от очередной вспышки головной боли. — «Продержаться год. Сдать дела Кристиану. Выбить у Совета Старейшин пожизненное обеспечение и уехать на северные острова, где нет ни заводов, ни железа, ни этой проклятой службы».

Он хотел тишины. Простого, животного покоя, в котором его голова наконец-то перестанет гудеть от эха сотен работающих механизмов города. Но Империя не отпускала своих лучших палачей так просто.

Бронированная машина с визгом тормозов остановилась, заблокировав выезд из узкого переулка. Виктор спрыгнул на залитую мазутом брусчатку. Его тяжелые армейские сапоги, подбитые стальными пластинами, оставили глубокие следы в грязной луже.

Впереди, за наспех сооруженной баррикадой из перевернутых телег, стояли десятеро гвардейцев. Их лица были бледными, а руки, сжимавшие тяжелые паровые винтовки, заметно дрожали. Из темноты тупика, скрытого за ржавыми листами железа, доносился жуткий, ни на что не похожий звук — скрежет металла о кость, прерывистое шипение стравливаемого пара и глухое, влажное чавканье.

Тварь доедала третьего рабочего.

— Назад, — скомандовал Виктор, проходя мимо замерших гвардейцев.

Он не стал доставать револьвер. На ходу он медленно стянул с правой руки плотную кожаную перчатку. Его ладонь казалась бледной, а вены на запястье имели странный, серовато-серебряный оттенок — явный признак запущенного выгорания каналов.

Из темноты склада на свет масляных фонарей вывалилось оно.

Когда-то это существо было обычным портовым грузчиком, но биомеханическая зараза Разлома переписала его плоть. Теперь это была трехметровая гора из искалеченных человеческих мышц, намертво сросшихся со старыми шестеренками, поршнями и ржавыми железными листами. Вместо правой руки у чудовища торчал огромный промышленный крюк, покрытый свежей кровью, а из грудной клетки, со свистом вырывался бурый, зловонный пар. Лицо бывшего человека превратилось в сплошное месиво из наросшего стального хитина, среди которого безумно вращался один живой человеческий глаз.

Тварь увидела Виктора. Издав оглушительный, металлический рев, от которого задрожали стекла в соседних домах, она рванулась вперед. Огромный крюк взметнулся в воздухе, готовый разрубить инквизитора пополам.

Виктор даже не шелохнулся. Он лишь выставил вперед обнаженную правую ладонь и резко разжал пальцы.

— Замри, — тихо, но властно произнес он.

В ту же секунду пространство вокруг него завихрилось серебряными искрами. Магия металла ударила невидимым импульсом. Виктор мгновенно почувствовал внутреннюю структуру монстра — каждый ржавый болт, каждую шестеренку, вросшую в его плоть. И он подчинил их своей воле.

Чудовище застыло в паре шагов от него, занеся крюк над головой. Его механические части жалобно заскрипели, пытаясь преодолеть чудовищное сопротивление. Поршни в его груди заклинило, пар начал со свистом вырываться из швов, не находя выхода. Тварь ревела от ярости, но её стальной скелет больше ей не принадлежал.

Но за этот контроль Виктор заплатил страшную цену. Голову прошила такая дикая, разрывающая сознание боль, что перед глазами на миг всё поплыло. В ушах раздался громкий, оглушительный звон, словно кто-то ударил в огромный церковный колокол прямо внутри его черепа. Ему показалось, что его собственные вены сейчас лопнут, не выдержав давления свинцового потока. Но он удержал маску безразличия. Гвардейцы не должны были видеть слабость своего командира.

— Ломайся, — выдохнул Виктор, резко сжимая ладонь в кулак.

Разомкнув магнитное поле, он заставил все металлические части внутри твари провернуться в обратную сторону. Раздался страшный, хрустящий скрежет. Вросшие в тело монстра шестеренки начали вращаться против часовой стрелки, перемалывая кости и разрывая гнилые мышцы изнутри. Железные листы на его спине согнулись внутрь, пробивая легкие.

Тварь захлебнулась собственным бурым паром и кровью. Огромный стальной крюк с куском мяса отвалился и с грохотом упал на брусчатку. Через секунду вся эта биомеханическая масса безжизненно рухнула к сапогам инквизитора.

Зачистка была окончена. Гвардейцы за баррикадой синхронно выдохнули, глядя на своего верховного лорда с суеверным ужасом и восхищением.

Виктор медленно натянул кожаную перчатку обратно на дрожащую руку. Из его левой ноздри тонкой струйкой побежала темная, почти черная кровь. Он аккуратно вытер её тыльной стороной ладони, пока никто не заметил. Боль внутри головы достигла своего пика — она больше не утихала, она просто ждала, когда он окончательно сломается.

В этот момент к нему подбежал младший офицер, держа в руках сигнальный латунный цилиндр.

— Лорд-инквизитор! Срочное сообщение из центрального аналитического узла Цитадели. Десять минут назад в секторе ткачей, прямо у ателье госпожи Боне, поисковые руны зафиксировали кратковременный, но очень чистый всплеск ментальной магии. Четвертый ранг угрозы. Ведьма-эмпат.

Виктор закрыл глаза, на секунду позволяя себе опереться о холодный борт паромобиля. Ментальные ведьмы были редкостью и огромной проблемой. Они могли внушать страже ложные приказы или сводить с ума целые улицы. Их нужно было изолировать немедленно.

Но его уставший, выгорающий разум зацепился за слово «эмпат». Маги эмоций. Те, кто умел лечить душу.

— Адрес? — сухо спросил Виктор, садясь обратно в кабину паромобиля.

— Квартал Святого Иуды, дом двенадцать. Швейный салон.

Виктор поправил фуражку, чувствуя, как очередная судорога сводит мышцы шеи. Он еще не знал, кто ждет его в этом ателье. Он думал, что едет на обычное задержание очередной государственной преступницы.

Глава 3. Прикосновение к безумию

Колокольчик над дверью ателье госпожи Боне звякнул слишком резко — этот чистый, тонкий звук показался Ольге предсмертным хрипом её свободы.

Она так и не успела подняться на второй этаж, застряв посреди демонстрационного зала с недошитым персиковым платьем в руках. Белый портновский мелок, который она судорожно сжимала, выскользнул из дрожащих пальцев, с тихим стуком покатился по лакированному паркету и замер у носка тяжелого, подбитого стальными пластинами армейского сапога.

Атмосфера в комнате изменилась за долю секунды. Прохладный, пахнущий лавандой воздух элитного салона вдруг стал густым, тяжелым, с отчетливым, удушливым привкусом озона, сырого угля и машинного масла. Так пахла смерть. Так пахла Инквизиция.

— Всем оставаться на своих местах, — раздался от двери сухой, абсолютно лишенный человеческих эмоций голос.

Ольга медленно, преодолевая деревянную тяжесть в шее, подняла голову. В дверях стоял высокий мужчина в глухом черном мундире, застегнутом на все пуговицы. Серебряная шестеренка на его воротнике тускло поблескивала в полумраке ателье, словно хищный глаз механического монстра. Из-за его широких спины выглядывали двое гвардейцев в глухих стальных кирасах, державших наперевес тяжелые паровые ружья. Их начищенные медные трубки злоеюще поблескивали. Но пугало не оружие. Ольгу парализовал взгляд вошедшего — серые, как предгрозовое небо Рейнсбурга, глаза смотрели на мир с абсолютным, выжигающим всё живое равнодушием.

Это был Виктор. Верховный инквизитор города, чье имя шепотом произносили даже в трущобах.

Хозяйка ателье, толстушка госпожа Боне, мгновенно побледнела — её румяные щеки стали цвета швейного мела. Она расплылась в подобострастном, нелепом поклоне, едва не запутавшись в пышных шелковых юбках кринолина.

— Лорд инквизитор Какая честь для нашего скромного заведения Чем мы обязаны вашему визиту?.. — её голос сорвался на испуганный писк.

— Десять минут назад в этом квартале зафиксирован незаконный всплеск ментальной магии, — Виктор не смотрел на хозяйку. Его ледяной взгляд медленно, как сканирующий луч артефакта, двигался по помещению, задерживаясь на каждой испуганной швее. — Четвертый ранг. Всем снять перчатки и митенки. Живо.

У Ольги перехватило дыхание. Сердце забило в самом горле, оглушая изнутри тяжелыми, паническими ударами. Всё кончено. Если она снимет митенки, её исколотые, покрытые мелкими шрамами и обожженные собственной силой пальцы выдадут её с потрохами любому опытному следователю. А если инквизитор применит тяжелый латунный сканер, висящий у него на поясе, — её ждет железная маска и медленная смерть разума.

Девушки вокруг дрожащими, непослушными руками начали стягивать ткань, бросая её на столы. Ольга медлила, лихорадочно соображая. Бежать? Окна закрыты изнутри на глухие железные шпингалеты. Спрятаться? В пустом зале скрыться негде.

Виктор сделал три шага вперед. Тяжелые сапоги отдавались в ее голове ударами набатного колокола. На кушетке в углу лежал недошитый бархатный корсет. Виктор провел по нему рукой в кожаной перчатке, и Ольга физически увидела, как от его пальцев исходит едва заметное глазу серебристое свечение — его магия металла считывала структуру иголок и фурнитуры ткани.

Но вместе с этим свечением Ольга, как эмпат высшего порядка, вдруг поймала кое-что еще. То, что скрывалось за его безупречной маской абсолютного контроля.

Боль.

Она была такой чудовищной, плотной, черной и острой, что Ольга едва не вскрикнула, вовремя зажав рот ладонью. В сознании Виктора бушевал настоящий, первобытный шторм. Его собственная сила выжигала нервные каналы по капле, тысячи раскаленных докрасна игл вонзались в его мозг каждую секунду. Он шел, дышал, отдавал приказы и говорил сквозь невыносимые, адские муки, которые обычного человека уже давно свели бы с ума или заставили пустить пулю в лоб.

И среди этой выжигающей боли Ольга почувствовала нечто бесконечно, до боли знакомое — глухое, рвущее душу одиночество и дикую, отчаянную жажду покоя. Он умирал. И прекрасно знал об этом.

Виктор остановился прямо перед ней. Между ними оставался всего лишь один короткий шаг. Ольга видела каждую жесткую черточку на его уставшем лице, серую тень под глазами, седину на висках и плотно сжатые, потрескавшиеся губы.

— Вы, — его голос прозвучал тихо, но от него повеяло арктическим холодом. — Снимите митенки.

Ольга медленно, стараясь не дрожать всем телом, подняла руки. Ее пальцы в тонкой шелковой сеточке замерли в воздухе.

— Я жду, — нажал Виктор. Его затянута в кожу рука легла на тяжелую рукоятку парового револьвера. Он чувствовал, как боль за глазами усиливается с каждой секундой, превращаясь в пульсирующий ад. Ему хотелось закончить этот обыск как можно скорее, вернуться в Цитадель и запереться в темной комнате.

Ольга поняла: если она просто снимет шелк и сдастся, её ждет подвал, железная маска и медленное выжигание разума. Терять было абсолютно нечего. Это был прыжок в бездну.

— Простите, милорд, — прошептала она одними губами.

Вместо того чтобы снять митенку, она резким, отчаянным движением рванула ткань вниз, оголяя бледную ладонь, и сделала шаг вперед. Ее обнаженные пальцы коснулись его ладони — прямо над обшлагом черного мундира, там, где на запястье бился его бешеный, рваный пульс.

Виктор дернулся, его боевые рефлексы сработали мгновенно. Он собирался перехватить ее руку, сломать ей кисть и впечатать в стену, но не успел.

Контакт замкнулся.

Для Ольги это было похоже на падение в ледяную пропасть, заполненную кипящим металлом. На секунду ей показалось, что ее собственное сознание просто распадется, сторит от чужой боли. Но она не отпустила его руку. Напротив, она сделала то, чего никогда не позволяла себе раньше — вместо того чтобы закрываться и защищаться от чужих эмоций, она открыла свои магические каналы настежь. Она сделала глубокий ментальный вдох и начала втягивать его стальную бурю в себя, заменяя её своим мягким, убаюкивающим теплом эмпата.

Виктор замер. Его серые глаза расширились от шока.

Впервые за последние десять лет адская, разрывающая череп боль внутри его головы... утихла. Гудение огромных заводских механизмов за окном, стальной скрежет в собственных венах, вечный шепот чужих страхов — всё исчезло. Наступила абсолютная, звенящая, благословенная тишина. Как будто он всю жизнь шел сквозь ледяной буран без одежды и вдруг оказался в теплом доме у камина.

Его дыхание, до этого прерывистое и хриплое, мгновенно выровнялось. Он смотрел на стоявшую перед ним хрупкую девушку и не верил своим чувствам. Ее ладонь на его запястье казалась невероятно горячей, почти обжигающей. На бледных щеках Ольги выступили мелкие капли пота, её губы задрожали — она едва удерживала этот колоссальный, страшный поток его боли, но упрямо не отпускала руку.

В её карих глазах, полных страха и одновременно безумной решимости, Виктор прочитал то, чего не видел ни в одном человеке за всю жизнь: глубокое понимание. Она видела

его настоящего. Не карателя. Не верховного инквизитора. Истерзанного, умирающего от собственной силы человека.

Минута тянулась как вечность. В ателье стола мертвая, звенящая тишина, швеи и гвардейцы замерли, совершенно не понимая, что происходит — для внешнего наблюдателя это выглядело так, будто верховный инквизитор просто схватил подозреваемую за руку и оцепенел.

Виктор медленно пришел в себя. Облегчение было настолько сладким, пугающим, что ему хотелось продлить этот момент вопреки всему. Но жесткий разум военного быстро вернул контроль. Он мгновенно понял, кто перед ним. Та самая ведьма. Менталист высшего порядка, способный лечить то, что официальная медицина Империи считала неизлечимым. Она была его персональным спасением. И его самым главным врагом по закону государства.

Ольга обессиленно пошатнулась, её хватка начала ослабевать. Давление его боли было слишком велико для её непривычного тела, она была на грани обморока.

Виктор резко перехватил её за руку, уже жестко, по-военному, не давая упасть, и рванул на себя, заставляя сделать вынужденный шаг к двери.

— Чисто, — хрипло, пересохшим от волнения голосом бросил он своим гвардейцам, которые удивленно переглянулись. — Магический след ложный. Обычная аномалия старых труб. Но эта девка забирается в Цитадель для допроса в качестве свидетеля. Назад, к машине.

Он вел её к выходу, крепко держа за запястье сквозь плотную ткань своего пальто, чтобы не разорвать ту тонкую, невидимую ментальную нить покоя, которая

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.